

УДК 343.14

**УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-
ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО; УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС
И КРИМИНАЛИСТИКА**

**ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТЕРРОРИЗМУ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ
СРЕДСТВАМИ: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

Биляев В. А.

Крымский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

В статье обосновывается необходимость повышения эффективности противодействия террористическим угрозам, а также другим тяжким преступлениям, что требует от государства разработки и внедрения действенных правовых мер в сфере уголовного судопроизводства, которые адекватны условиям современного, прежде всего информационного развития. В связи с необходимостью реализации целей уголовного судопроизводства и соблюдения принципа законности отмечается потребность расширения технических возможностей получения и закрепления доказательственной информации путем проведения оперативно-розыскных мероприятий (гласных и негласных процессуальных действий) в уголовном процессе. Обоснована перспективная модель закрепления в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации положений, определяющих: основания, условия и порядок (правила) осуществления гласных и негласных процессуальных действий (оперативно-розыскных мероприятий); порядок фиксации хода и результатов их проведения; судебный порядок получения разрешения на производство тех действий, которые временно ограничивают конституционные права и свободы граждан; основания для проведения таких действий до возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: терроризм, уголовное судопроизводство, оперативно-розыскная деятельность, законность, доказывание, собирание доказательств, гласные и негласные процессуальные действия, оперативно-розыскные мероприятия.

В эпоху стремительной информатизации общества кратно возрастает скорость, качество и объемы информационного обмена, как и в целом возможности индивидов в получении и использовании всевозможной информации. Современные технико-информационные возможности по общепринятому убеждению несут человечеству свободу и комфорт. И это, конечно, основная – позитивная сторона информационного прогресса. Нельзя, однако, игнорировать и негативные факторы, которые обусловлены широкими возможностями использования информационных технологий в преступных целях. Ведь такие возможности могут и уже используются в качестве комплексного средства, позволяющего увеличивать преступную мобильность. Данный фактор необходимо учитывать применительно к наиболее опасной для общества и государства сферы преступной деятельности – террористической, приобретающей в современном мире наиболее угрожающий идеологический и транснациональный характер.

Так, во-первых, следует констатировать уже свершившийся факт погружения человечества в мировую «информационную паутину», и этот глобальный инструмент, как следует из общей криминогенной динамики последних десятилетий, пре-

ступники активно используют. Прямым следствием всеобщей интернетизации стало расширение информационных возможностей распространения экстремистской идеологии насилия, ненависти и вражды.

Во-вторых, сама информация как средство, а также технические возможности, позволяющие использовать ее в преступных целях, значительно облегчили и «оптимизировали» деятельность преступников. В то же время усложнились возможности доказывания их виновности в координатах действующей правовой системы, которая создавалась применительно к уходящему технико-информационному укладу.

Поэтому необходимость эффективного противодействия террористическим угрозам, а также другим тяжким преступлениям требует от государства разработки и внедрения действенных правовых мер, которые адекватны условиям современно-го, прежде всего информационного развития. Требуется модернизация специального законодательства, прежде всего уголовно-процессуального, являющегося платформой, на которой основана деятельность правоохранительной системы, и, в частности, государственных органов, осуществляющих борьбу с терроризмом.

Проблемам государственного противодействия терроризму в юридической науке традиционно уделяется значительное внимание. Этой теме посвящены, в частности, исследования в области уголовного и международного права, криминалистики, криминологии, юридической психологии, а также комплексные исследования взаимосвязанных вопросов уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности. Различные аспекты правового противодействия терроризму рассматривали Антонян Ю. М. [1], Винниченко Н. А., Захарцев С. И. и Рохлин В. И. [2; 3], Дикаев С. У. [4], Карпец И. И. [5], Литвинов Н. Д. [6], Морозов Г. И. [7], Патрушев Н. П. [8], Сальников В. П. [9], Устинов В. В. [10] и др.

Целью настоящей статьи является анализ актуальных проблем и тенденций развития уголовно-процессуального законодательства как эффективного инструмента противодействия наиболее опасным преступлениям, в частности – терроризму.

Противодействие терроризму является важнейшим стратегическим направлением деятельности государства в сфере борьбы с преступностью и обеспечения национальной безопасности. Данное понятие объединяет сложную многоуровневую систему деятельности государственных органов – субъектов противодействия преступности – функционирующих в пределах единой правовой основы. В государственной системе противодействия терроризму сочетаются подсистемы законодательного и научно-методического обеспечения, общей профилактики и непосредственно правоохранительной деятельности, основное назначение которой состоит в предотвращении, выявлении и расследовании преступлений террористической направленности, привлечении к ответственности виновных лиц и обеспечении справедливого правосудия. Эффективность функционирования правоохранительной системы по противодействию терроризму прямо зависит от совершенства ее основного регулятора – закона.

В качестве основных средств, используемых правоохранительной системой для противодействия терроризму, следует выделять средства оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности (далее – ОРД и УПД), которые неразрывно связаны в правоприменительной практике. Оперативно-розыскные мероприятия позволяют эффективно выявлять лиц, замышляющих и подготавливающих такие преступления, осуществлять негласный контроль их действий и поведения, а также

своевременно пресекать возможность осуществления преступных замыслов. Без ОРД невозможна и реализация назначения уголовного судопроизводства в сфере противодействия терроризму. Так, оперативным путем устанавливаются основные источники необходимых процессуальных доказательств по делам данной категории с целью их последующего процессуального закрепления. Результаты ОРД также служат поводами и основаниями для возбуждения уголовных дел и могут непосредственно использоваться в качестве уголовно-процессуальных доказательств. Как видим, сам процесс доказывания, отражающий, фактически, содержательную сторону уголовно-процессуальной деятельности, невозможен без использования средств оперативно-розыскной деятельности.

Для эффективного достижения целей уголовного судопроизводства огромное значение приобретает расширение технических возможностей получения и закрепления информации путем проведения оперативно-розыскных мероприятий. Своевременная нейтрализация террористических угроз требует создания необходимых правовых условий для полноценного использования технических и агентурных возможностей негласного получения и фиксации информации доказательственного характера с целью ее последующего использования в уголовном судопроизводстве [11].

Правовую основу правоохранительного противодействия терроризму составляют федеральные законы: «О противодействии экстремистской деятельности», «О противодействии терроризму», «Об оперативно-розыскной деятельности», нормы УК РФ и другие законодательные акты. Деятельность субъектов уголовного судопроизводства, уполномоченных в соответствии с законом осуществлять доказывание, в частности, по делам террористической направленности, в соответствии с прямым предписанием ст. 1 УПК РФ должна регулироваться нормами УПК РФ. Однако специальные нормы уголовно-процессуального закона о доказывании (глава 11 УПК РФ) не относят к числу субъектов доказывания сотрудников оперативных подразделений, которые в силу закрепленных за ними полномочий все же осуществляют собирание доказательств. Настоящая практика собирания и использования в доказывании по уголовным делам результатов ОРД регламентируется нормами уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства, а также ведомственными и межведомственными нормативными документами, включая инструкции с ограниченным режимом доступа.

Таким образом, деятельность уполномоченных должностных лиц по выявлению (обнаружению), закреплению и использованию в уголовном судопроизводстве доказательств – результатов ОРД представляет сложно регулируемую в правовом плане процедуру. Данная процедура охватывает три взаимосвязанных этапа.

Так, на первом этапе субъектами ОРД осуществляется поиск и фиксация оперативных данных (информации доказательственного характера) в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий. При этом собранные данные могут свидетельствовать только о подготовке преступления, например, террористического акта. Тем не менее такие данные, выявленные и зафиксированные непроцессуальным путем, и, как правило, до возбуждения уголовного дела, в последующем используются в уголовно-процессуальном доказывании в качестве доказательств-результатов ОРД.

Правовую основу деятельности субъектов ОРД на данном этапе составляет специальный Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», однако

порядок осуществления познавательных поисковых действий, направленных на обнаружение и фиксацию доказательственных сведений, регламентируется ведомственными нормативными документами, на которые распространен ограниченный режим доступа в связи с отнесением их к сведениям, составляющим государственную тайну. Однако необходимо отметить неоправданность такого подхода с позиции законности, учитывая то, что нормативный порядок осуществления познавательных действий, раскрывающих понятие оперативно-розыскного мероприятия, объективно не может относиться к сведениям, составляющим государственную тайну и входящим в понятие организации и тактики ОРД.

На втором этапе осуществляется фактическая передача оперативным подразделением сведений, которые были получены и закреплены в ходе оперативно-розыскных мероприятий, следователю. В межведомственной нормативной терминологии данный процесс обозначен как представление результатов ОРД. Он регламентируется совместной межведомственной инструкцией «О порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» [12]. Указанная инструкция устанавливает процедуру предоставления доказательственных сведений, полученных и зафиксированных на предыдущем этапе в порядке, регламентированном «закрытыми» подзаконными нормативными актами, органу дознания, следователю или в суд. Также в соответствии с пунктом 4 Инструкции предоставленные результаты ОРД могут использоваться в доказывании как на этапе возбуждения уголовного дела, служа для этого поводами и основаниями, так и в последующем – при подготовке и осуществлении следственных и судебных действий, а также непосредственно в доказывании по уголовным делам в соответствии с требованиями УПК РФ. В то же время УПК РФ не содержит каких-либо положений, закрепляющих как само понятие, так и порядок представления и использования результатов ОРД в уголовном судопроизводстве.

На третьем этапе следователем осуществляется проверка и оценка доказательств – результатов ОРД. Только после приобщения к материалам уголовного дела данные, полученные в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий, приобретают качество доказательств в полноценном понимании. На данном этапе доказательственная деятельность регламентируется нормами УПК РФ.

Как видим, этапы собирания (поиск и фиксация) и представления доказательств – результатов ОРД пребывают вне сферы правового регулирования уголовно-процессуальным законом. Но такое состояние может быть оправдано только с условно формальной точки зрения тем, что ОРД и УПД отнесены законом к различным видам правоприменительной деятельности. К тому же сочетание гласных и негласных методов, применяемых при проведении оперативно-розыскных мероприятий, традиционно создает вокруг ОРД некую ауру таинственности и, как следствие, закрытый характер норм, регулирующих данный процесс, что по принципу «лучше перебдеть, чем недобдеть» со времен тоталитарной правовой системы продолжает культивироваться и до сего дня. Однако при этом, как было уже показано, фактически разрывается единый информационный процесс доказывания, что необоснованно как с точки зрения законности вследствие очевидного пробела в правовом регулировании и неоправданной «закрытости», так и с позиции эффективности нормативной регламентации данного процесса. Существующая сегодня правовая действи-

тельность в этом вопросе противоречит также требованиям системного подхода [11].

Таким образом, сегодня существует необходимость частичного слияния оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности под единый законодательный знаменатель, что обусловлено актуальной потребностью повышения эффективности доказывания по уголовным делам. Ведь в правовом плане, с точки зрения законности, остается достаточно спорной сама практика деятельности по обнаружению, закреплению и представлению доказательств – результатов ОРД, это прямо связано с отсутствием закрепления порядка таких действий в нормах уголовно-процессуального закона. Однако данный вопрос, конечно, требует глубокой концептуальной проработки.

Как один из вариантов решения обозначенной проблемы следует рассмотреть возможность включения в УПК РФ группы негласных процессуальных действий, по сути своей являющихся оперативно-розыскными мероприятиями, которые основаны на активном использовании технических средств обнаружения и фиксации информации доказательственного характера. К ним необходимо отнести следующие действия: негласный аудио- и видеоконтроль лица; негласный аудио- и видеоконтроль места; снятие информации с транспортных телекоммуникационных сетей; снятие информации с электронных информационных систем; негласное обследование публично недоступных мест; негласное визуальное наблюдение за лицом, материальным объектом¹. Целесообразно также дополнить уголовно-процессуальный закон процессуальными действиями (оперативно-розыскными мероприятиями), которые закреплены в статье 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и которые направлены на собирание доказательственных сведений. К указанной группе предлагаемых для законодательного закрепления процессуальных ОРМ относятся те из них, которые основаны на сочетании гласных и негласных действий и которые в гносеологическом плане имеют свой «законный» процессуальный аналог в качестве предусмотренных в УПК РФ следственных действий. К ним относятся опрос (допрос – ст. ст. 173, 187–191, 205 УПК РФ); сбор образцов для сравнительного исследования (получение образцов для сравнительного исследования – ст. 202 УПК РФ); исследование предметов и документов (производство судебной экспертизы – ст. 195–207 УПК РФ); обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности транспортных средств (осмотр места происшествия, предмета, документов, транспортных средств, трупа – ст. 176–178 УПК РФ); контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений (наложение ареста на почтово-телеграфные отправления – ст. 185 УПК РФ); оперативный эксперимент (следственный эксперимент, проверка показаний на месте – ст. 181 и ст. 194 УПК РФ).

¹ В данном случае автор использовал прямую аналогию с негласными следственными (розыскными) действиями (НСРД), которые закреплены в УПК Украины 2012 г. Однако украинская модель использования НСРД в уголовном процессе не может быть автоматически перенесена в правовую систему уголовного судопроизводства России в силу принципиальных отличий между этими системами, что все же не лишает целесообразности заимствования закрепленных в УПК Украины соответствующих нормативных понятий.

Перечисленные мероприятия (процессуальные действия) как наиболее эффективные с точки зрения своевременности обнаружения и полноты доказательственных данных должны, в первую очередь использоваться в целях обеспечения эффективности и законности уголовно-процессуальных мер по борьбе с терроризмом и иными тяжкими преступлениями. Это, в свою очередь, потребует дополнения уголовно-процессуального закона рядом норм, закрепляющих основания, условия и порядок (правила) осуществления таких процессуальных действий, порядок фиксации хода и результатов их проведения, судебный порядок получения разрешения на производство тех действий, которые временно ограничивают конституционные права и свободы граждан. Потребуется и регламентация других необходимых вопросов, включая основания для проведения таких действий до возбуждения уголовного дела. Логично при этом предположить, что такие основания должны соответствовать основаниям для проведения ОРД, которые закреплены действующим федеральным законом.

Предложенный нами подход, конечно же, дискуссионный и соответствует скорее этапу формирования концептуального замысла, чем конкретным предложениям, направленным на усовершенствование действующего законодательства. Предполагаемая модель, на первый взгляд, также не укладывается в доминирующую сегодня концепцию уголовного судопроизводства, поскольку предложен путь расширения (с помощью закона) уголовно-процессуальных границ, которые фактически должны охватить этап оперативно-розыскной деятельности. Ведь, как принято считать, начало уголовного судопроизводства связано с этапом возбуждения уголовного дела. Уже на данном этапе принятие решения о возбуждении уголовного дела обосновывается доказыванием того факта, что событие преступления имело место. С этого момента начинается уголовное судопроизводство. Однако нормы УПК регулируют и деятельность, предшествующую принятию такого решения (ст. 144 УПК РФ), т. е. деятельность проверочную, допроцессуальную. Основанием для проверочной деятельности служат сообщения о готовящемся либо совершенном преступлении. Такая проверка, в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ, проводится в том числе путем проведения оперативно-розыскных мероприятий. По отдельным категориям преступлений, включая наиболее опасные преступления террористической направленности, доследственная проверка проводится преимущественно путем проведения негласных оперативно-розыскных мероприятий. Таким образом, условная стадия ОРД, исходя из особенностей предмета правового регулирования уголовно-процессуальным законом и существующей практики, уже существует в уголовном судопроизводстве России.

Сообщения, служащие основаниями для проведения допроцессуальной проверки в порядке ст. 144 УПК РФ, в своем фактическом смысле мало чем отличаются от оснований для проведения ОРД в соответствии с законом. Такими основаниями являются ставшие известными сведения о «признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела» (п. 1 ч. 2 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»). В данном случае пример ст. 144 УПК РФ служит законодательным прецедентом для включения в уголовно-процессуальный закон положений о гласных и негласных процессуальных действиях (оперативно-розыскных

мероприятиях) в качестве отдельной первоначальной стадии уголовного процесса и регулирования необходимых вопросов этой стадии, включая, прежде всего, вопросы, связанные с обнаружением и закреплением доказательств – результатов ОРД, в нормах УПК РФ. В связи с этим автор не видит каких-либо принципиальных «табу» в возможности расширения законодательных процессуальных границ за счет включения в уголовный процесс необходимых положений, регламентирующих оперативно-розыскную деятельность, связанную с формированием доказательств. К тому же реализация такого подхода, как уже было показано, должна способствовать обеспечению эффективности и законности уголовно-процессуальных мер в наиболее важных для общества и государства сферах противодействия преступности – в борьбе с терроризмом и другими тяжкими преступлениями.

В вопросе включения в УПК РФ предлагаемых процессуальных действий (оперативно-розыскных мероприятий) также применима прямая аналогия со статьей 186 УПК РФ, фактически закрепляющей в качестве следственного действия негласное оперативно-розыскное мероприятие. Контроль и запись переговоров по своему существу не являются следственным действием, так как следователь не является и не может являться субъектом его проведения в силу объективных правовых и организационно-тактических факторов, что все же не препятствовало включению и регламентации такого ОРМ в УПК РФ. И несмотря на то, что закон не закрепляет главного условия его проведения, которым является негласность, данное «следственное действие», остающееся по сути своей ОРМ, служит эффективным средством получения и закрепления доказательств.

Моделируемый нами подход обосновывается с позиции первичности информационного процесса как содержательной составляющей взаимосвязанных правоприменительных действий, осуществляемых субъектами ОРД и УПД, перед его правовой надстройкой-регулятором. Информационная сущность уголовного судопроизводства хорошо раскрывается посредством характеристики процесса доказывания, современные представления о котором основаны на информационной концепции. Доказывание как процесс деятельный предусматривает череду взаимосвязанных информационных операций по поиску и обнаружению (собираению), закреплению, проверке и оценке доказательств, а также оперированию ими. Поисковый условный этап этого процесса реализуется субъектами ОРД, последующий – субъектами УПД. Закон, таким образом, выступает регулятором единого информационного процесса, а его основное назначение состоит в реализации цели информационных действий, которые, в нашем случае, совпадают с целями уголовного судопроизводства. Поэтому необходим единый закон.

В данном случае важно также проникнуть в сущность механизма правового регулирования, что, в свою очередь, позволит определить пути совершенствования закона как основного ядра этого механизма. Для этого в исследовательских целях попытаемся несколько абстрагироваться от настоящих правовых и фактических реалий.

Закон как нормативный регулятор информационного процесса влияет на скорость его протекания. С помощью закона процесс доказывания можно ускорить во времени и таким образом реализовать максимальную оперативность достижения целей доказывания. Или же наоборот – ограничить возможности своевременного достижения таких целей путем установления условно-обязательных барьеров,

например, по срокам выполнения отдельных операций либо обусловив необходимость совершения дополнительных, формальных применительно к основному информационному процессу действий. В теоретическом плане можно рассматривать достаточно широкий диапазон возможностей такой регуляции. Начиная от полной дерегуляции процесса доказывания, результатом чего станет его полная внеправовая информатизация, до необоснованного сдерживания данной процедуры в пределах установленных законодателем неоправданных ограничений. Однако, учитывая необходимость полноценного законодательного обеспечения правоприменительной практики, важно создать наиболее оптимальную систему такой регуляции, учитывающей основополагающие принципы уголовного судопроизводства и необходимость снятия архаических применительно к современным условиям развития общества правовых ограничений, объективно препятствующих деятельности по эффективному доказыванию. Реализация предлагаемого подхода должна способствовать достижению такого положения.

Анализ законодательства и практики позволяет выделить также проблему дублирования одних и тех же информационно-познавательных действий различными субъектами, осуществляющими собирание доказательств. В первом случае таким субъектом является оперативный сотрудник как фактический субъект такой деятельности, формирующий условно допроцессуальную с позиции закона доказательственную базу по еще невозбужденному уголовному делу в ходе ОРМ и проверочных действий. Во втором – следователь (дознатель), фактически дублирующий те же информационно-познавательные действия в процессе уголовного судопроизводства, например, опрос и допрос. Такое положение естественно снижает эффективность использования доказательств-результатов ОРД в уголовном судопроизводстве.

Обозначенная проблема прямо связана с предыдущей – отсутствием закрепления в уголовно-процессуальном законе положений, регулирующих порядок проведения гласных и негласных процессуальных действий (оперативно-розыскных мероприятий), направленных на собирание доказательств, которые были рассмотрены нами ранее. Но в данном случае вопрос касается субъекта осуществления таких действий, которым в силу объективных организационно-тактических особенностей может быть исключительно субъект ОРД. При этом вопрос ненужного дублирования познавательных действий, направленных на поиск (обнаружение) доказательств, может быть решен в рамках уже предложенной в данной статье модели путем наделения сотрудников оперативных подразделений соответствующими процессуальными полномочиями.

Итак, можем заключить следующее.

1. Эффективное противодействие современному терроризму и другим тяжким преступлениям требует полноценного закрепления в законодательстве как проактивных, т. е. опережающих действия преступников мер, направленных на фактическое пресечение преступлений и задержание (захват) преступников, так и сопровождающих такие меры действий, которые заключаются в изобличении преступников путем своевременного получения и закрепления доказательств их виновности в процессе уголовного судопроизводства.

2. Доказывание по делам о терроризме и другим наиболее сложно расследуемым преступлениям представляет единый информационный процесс, содержанием кото-

рого являются взаимосвязанные правоприменительные действия оперативно-розыскного и уголовно-процессуального характера – операции, направленные на поиск, обнаружение, закрепление, проверку и оценку доказательств, а также оперирование ими. Поисковый этап этого процесса реализуется субъектами оперативно-розыскной деятельности, последующий – субъектами уголовно-процессуальной деятельности. Уголовно-процессуальный закон должен стать единым регулятором процесса доказывания, а деятельность оперативных подразделений и их сотрудников по собиранию и представлению доказательств, полученных в результате ОРД, должна быть включена в сферу правового регулирования уголовно-процессуальным законом.

3. Расширение правовых границ сферы уголовного судопроизводства за счет включения в УПК РФ в качестве процессуальных действий оперативно-розыскных мероприятий, а также регламентация уголовно-процессуальным законом положений, закрепляющих порядок их проведения, позволит законодательно закрепить гарантии законности использования результатов ОРД в уголовно-процессуальном доказывании.

Список литературы:

1. Антонян Ю. М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. – М., 1998. – 305 с.
2. Винниченко Н. А., Захарцев С. И., Рохлин В. И. Правовая регламентация использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве: Монография. СПбУ МВД России. – СПб., 2004.
3. Захарцев С. И. Оперативно-розыскные мероприятия в России и за рубежом: Монография. СПбУ МВД России, Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности / Под общ. ред. В. П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2004. – 321 с.
4. Дикаев С. У. Терроризм и преступления террористического характера (опыт системного анализа): Монография / Под общ. ред. В. П. Сальникова. СПб. СПбУ МВД России. – 280 с.
5. Карпец И. И. Международный терроризм. Политическая и правовая характеристика // Социалистическая законность. – 1981. – № 5.
6. Литвинов Н. Д. Борьба с терроризмом в современной России: проблемы и парадоксы // Власть. – 1997. – № 9.
7. Морозов Г. И. Терроризм преступление против человечества (Международный терроризм и международные отношения). – М., 1997.
8. Патрушев Н. П. Противодействие терроризму настоящая проблема законодательной власти государств-участников СНГ // Международный терроризм: истоки и противодействия. Материалы междунар. науч.-практич. конференции. 18–19 апреля 2001 г. СПб
9. Сальников В. П. Законодательство Российской Федерации и проблемы борьбы с терроризмом // Защита и безопасность. – 1998. – № 4. – С. 123-128.
10. Устинов В. В. Международный опыт борьбы с терроризмом: стандарты и практика. – М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2002. – 220 с.
11. Биляев В.А. Правовые проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовно-процессуальном доказывании: системный подход // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика: Материалы V Международной научно-практической конференции, 27–29 апреля 2017 года, г. Симферополь–Алушта / отв. ред. М. А. Михайлов, Т. В. Омельченко : КФУ им. В. И. Вернадского. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2017. – С.18–20.
12. Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации, Министерства обороны Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Федеральной службы охраны Российской Федерации, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки Российской Федерации, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков, Следственного комитета Российской Федерации от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 г. Москва «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд». [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155629/ (Дата обращения – 05.02.2018).

Bilyev Vladimir Alexandrvich. Counteraction to terrorism by criminal procedural means: problems and tendencies of legislation // // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2018. – Т. 4 (70). № 1. – P. 78–87.

The article substantiates the need to increase the effectiveness of countering terrorist threats, as well as other serious crimes, which requires the state to develop and implement effective legal measures in the field of criminal justice that are adequate to the conditions of modern, above all, information development. In connection with the need to implement the objectives of criminal justice and respect for the principle of legality, there is a need to expand the technical possibilities for obtaining and consolidating evidentiary information through conducting investigative activities (open and secret procedural actions) in criminal proceedings. The prospective model of fixing in the Criminal Procedural Code of the Russian Federation the provisions defining: the grounds, conditions and procedure (rules) for the implementation of open and secret procedural actions (operational-search activities); the procedure for fixing the progress and the results of their conduct; judicial procedure for obtaining permission to manufacture those actions that temporarily restrict the constitutional rights and freedoms of citizens; the grounds for carrying out such actions before the institution of criminal proceedings.

Keywords: terrorism, criminal justice, operatively-search activity, lawfulness, proving, gathering of evidence, open and secret procedural actions, operatively-search actions.

Spisok literatury

1. Antonyan Yu. M. Terrorizm. Kriminologicheskoe i ugovolno-pravovoe issledovanie. M., 1998.
2. Vinnichenko N. A., Zahartsev S. I., Rohlin V. I. Pravovaya reglamentatsiya i spolzovaniya rezultatov operativno-rozysknoy deyatel'nosti v ugovolnom sudoproizvodstve: Monografiya. SpbU MVD Rossii. SPb. 2004.
3. Zahartsev S. I. Operativno-rozysknyie meropriyatiya v Rossii i za rubezhom: Monografiya. SpbU MVD Rossii, Akademiya prava, ekonomiki i bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti / Pod obsch. red. V. P. Salnikova. SPb. Fond «Universitet». 2004.
4. Dikaev S. U. Terrorizm i prestupleniya terroristicheskogo haraktera (opyit sistemnogo analiza): Monografiya / Pod obsch. red. V. P. Salnikova. SPb. SPbU MVD Rossii.
5. Karpets I. I. Mezhdunarodnyy terrorizm. Politicheskaya i pravovaya harakteristika // Sotsialisticheskaya zakonnost. 1981. # 5.
6. Litvinov N. D. Borba s terrorizmom v sovremennoy Rossii: problemy i paradoksy // Vlast. 1997. №9.
7. Morozov G. I. Terrorizm prestuplenie protiv chelovechestva (Mezhdunarodnyy terrorizm i mezhdunarodnyie otnosheniya). M., 1997.
8. Patrushev N. P. Protivodeystvie terrorizmu nastoyaschaya problema zakonodatel'noy vlasti gosudarstv-uchastnikov SNG // Mezhdunarodnyy terrorizm: istoki i protivodeystviya / Materialy mezhdunar. nauch.-praktich. konferentsii. 18-19 aprelya 2001 g. Sb. st., 2001.
9. Salnikov V. P. Zakonodatel'stvo Rossiyskoy Federatsii i problemy borby s terrorizmom // Zashchita i bezopasnost. 1998. № 4.
10. Ustinov V. V. Mezhdunarodnyy opyt borby s terrorizmom: standarty i praktika. M.: Izd-vo «Yurlitinform», 2002.
11. Bilyaev V. A. Pravovyye problemy ispolzovaniya rezultatov operativno-rozysknoy deyatel'nosti v ugovolno-protsessualnom dokazyivani: sistemnyy pohod // Ugovolnoe proizvodstvo: protsessual'naya teoriya i kriminalisticheskaya praktika: Materialy V Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 27-29 aprelya 2017 goda, g. Simferopol-Alushta / otv. red. M. A. Mihaylov, T. V. Omelchenko : KFU im. I. V. Vernadskogo. – Simferopol : IT «ARIAL», 2017. – S. 18–20
12. Prikaz Ministerstva vnutrennih del Rossiyskoy Federatsii, Ministerstva oborony Rossiyskoy Federatsii, Federalnoy sluzhby bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii, Federalnoy sluzhby ohrany Rossiyskoy Federatsii, Federalnoy tamozhennoy sluzhby, Sluzhby vneshney razvedki Rossiyskoy Federatsii, Federalnoy sluzhby ispolneniya nakazaniy, Federalnoy sluzhby Rossiyskoy Federatsii po kontrolyu za oborotom narkotikov, Sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii ot 27 sentyabrya 2013 g. N 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 g. Moskva "Ob utverzhdenii Instruktsii o poryadke predstavleniya rezultatov operativno-rozysknoy deyatel'nosti organu doznaniya, sledovatelyu ili v sud". [Elektronnyy resurs] – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155629/ (Data obrascheniya - 05.02.2018).